

РЕЙТИНГИ В ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

«CHARTS POWER» — СТРАНОВЫЕ РЕЙТИНГИ КАК ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ И ИНСТРУМЕНТ МЯГКОЙ СИЛЫ

Часть II

В.Г. Иванов

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 10а, Москва, Россия, 117198

М.Г. Иванова

Вечернее и заочное отделение
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье предложено и операционализировано понятие «рейтинговой силы» («charts power» или «index power») как значимого компонента мягкой силы государств и международных институтов. Авторы показывают, что многочисленные сравнительные рейтинги стран мира, получившие широкое распространение в последние десятилетия, могут использоваться в качестве экономического оружия и инструмента внешнеполитического влияния. В статье исследуются механизмы рейтинговой власти и порождаемого ею «рейтингового мышления» и делается вывод об актуализации фактических и потенциальных угроз национальной безопасности России со стороны рейтинговой силы других стран.

Ключевые слова: страновые рейтинги, сравнительные индексы, власть рейтингов, мягкая сила, рейтинговая инфраструктура, суверенные рейтинги, экономические санкции, политическое сознание, глобальное управление.

Несмотря на то, что суверенные рейтинги являются наиболее заметной составляющей рейтинговой власти, разнообразные иные виды международных индексов, будучи в значительной степени политизированными и идеологизированными, также обладают существенным потенциалом воздействия как на общественное, экспертное и элитарное сознание, так и на политические и экономические

процессы в разных странах. Мы полагаем, что такие рейтинги потенциально представляют собой даже более сильную форму власти, так как обладают способностью влиять на принятие политических и управленческих решений даже без прямого экономического стимулирования или угрозы наказания. Речь идет в первую очередь о наиболее распространенных индексах политического риска, стабильности государств, а также об академических и наукометрических рейтингах.

Закрепляясь в сознании как нечто очевидное, сравнительные межстрановые рейтинги могут оказывать влияние на принятие политических решений и поведение инвесторов. К тому же рейтингование оказалось выгодным бизнесом, поэтому эта деятельность стала привлекательной для многих компаний и организаций из совершенно разных сфер.

Одними из наиболее политизированных представляются индексы стабильности государств и политического риска. Несколько лет назад, на основе анализа 6 наиболее авторитетных и популярных среди политологов индексов стабильности (1), мы пришли к следующим выводам.

1. Все крупнейшие сравнительные исследования в данной сфере осуществляются американскими и английскими исследовательскими центрами. Этот факт имеет ряд импликаций, наиболее политически значимые из которых заключаются в возможности манипулировать данными и выставлять оценки исходя из идеологических и иных предпочтений. Например, согласно рейтингу Всемирного банка, в 2010—2011 гг. политическая стабильность России оказывается вдвое ниже, чем у предреволюционного Туниса, а компания Maplecroft в своем «Индексе политического риска» (Political Risk Index 2011), включила Россию в десятку стран с экстремальным уровнем политических рисков [6]. Искусственное завышение оценок политических рисков в некоторых странах мировыми агентствами может вести к снижению активности инвесторов и прямым финансовым потерям.

2. Распространенными недостатками т.н. «индексов восприятия» являются идеологическая одномерность, ангажированность оценки уровня политической стабильности ряда стран, в том числе России, и сильная зависимость конечной оценки от внешнеполитического имиджа страны в глобальных СМИ. В качестве экспертов опрашиваются преимущественно эксперты и организации из стран ОЭСР, именно их мнение оказывает решающее влияние на итоговую оценку. Исходя из этого более обоснованным представляется обращение к «объективным индексам» политической стабильности, которые более корректно отражают ситуацию в РФ и постсоветских республиках, чем «индексы восприятия».

3. Бросается в глаза явное несовершенство методологии рассмотренных международных исследований, порой формирующих довольно искаженную картину мира. Тем не менее, несмотря на недостатки отдельных индексов, современное исследование политической стабильности, тем более в сравнительном аспекте, уже практически не представляется возможным без их использования [16. С. 20—23].

Индексы политического риска, разрабатываемые такими компаниями, как BERI, PRS-Group, Economist Intelligence Unit, Maplecroft, сегодня оказывают большое влияние на трансграничные потоки капитала. Оценки относительного уровня

риска могут быть даже более полезными и понятными для инвесторов, чем оценки его абсолютного значения. В то же время, как отмечают некоторые исследователи, сегодня позицию в соответствующих рейтингах можно рассматривать в качестве дополнительного фактора политического риска [5. С. 238].

Существующие методики оценки политического риска в первую очередь ориентированы на западные корпорации. По мнению российского эксперта Д.В. Быченкова, история финансовых кризисов, приведших к значительным потерям инвесторов, «показала несостоятельность существующих моделей оценки политических рисков в деле прогнозирования подобных событий и сохраняющуюся актуальность задачи разработки адекватных моделей оценки политического риска» [8. С. 77].

К сожалению, при составлении рейтингов политического риска нередко заметны предвзятость и открытые двойные стандарты. Например, соответствующие рейтинги должны были зафиксировать резкое увеличение уровня политического риска во Франции из-за отказа французского правительства от выполнения своих договоренностей по поставке в РФ вертолетоносцев Мистраль, но этого не произошло. В то же время, если обратиться к широко используемой методологии оценки станового риска, мы видим, что Франция продемонстрировала политически мотивированную неготовность выполнять свои обязательства (налицо ограничение прав собственности, одностороннее необоснованное расторжение контракта государственными контрагентами, повышение риска трансферта) — в случае отсутствия практики двойных стандартов эти параметры неизбежно должны были бы повлиять на оценки соответствующих индексов политического риска Франции. Впрочем, несмотря на лояльность западных рейтинговых и пропагандистских организаций, скандал вокруг Мистралей нанес немалый урон позициям Франции на международном рынке вооружений.

Особую роль в «charts power» играют академические рейтинги (в первую очередь университетские и индексы цитирования), создающие иллюзию тотального превосходства американской системы образования и создаваемого ею знания.

Наиболее одиозным академическим сравнительным индексом является Шанхайский академический рейтинг университетов мира (ARWU). Методология расчета рейтинга скрывает в себе вызывающее невежество авторов и поражает своим примитивизмом: все индексы составляются «не вставая из-за компьютера», на основе пяти критериев, таких, как врученные сотрудникам университетов премии Нобеля, Филдса и Тьюринга, а также публикаций и цитирований в американских научных журналах [42]. Все материалы для сопоставления университетов из разных стран берутся из пяти источников и баз данных (<http://www.nobelprize.org>; <http://www.mathunion.org/index.php?id=prizewinners>; <http://www.webofknowledge.com>; <http://awards.acm.org>; <http://www.highlycited.com>), 3 из которых — американские. 20% от общего балла университета определяется количеством статей, опубликованных лишь в двух американских журналах: «Nature» и «Science» [29. С. 156]. Такой подход нередко приводит к выводам, не имеющим должного эмпирического обоснования и, как следствие, слабо связанным с реальностью. Например, согласно

последнему шанхайскому рейтингу университетов мира в разделе «математика» МГУ уступает 16 позиций саудовскому Университету короля Абдулазиза [34]. А, например, лондонский рейтинг World University Rankings 2014—2015 не включил Российский университет дружбы народов в список 100 наиболее интернациональных университетов мира, зато заполнил его второразрядными британскими вузами [48].

Источниковая база World University Rankings не только крайне бедна, но и порой может вызывать устойчивые ассоциации с политической пропагандой времен холодной войны. Если зайти на сайт создателей данного рейтинга Times Higher Education и ввести в строке поиска People's Friendship University of Russia (РУДН), мы не увидим никакой содержательной информации — только десяток сомнительных англоязычных статей разных лет, «понадерганных» из различных источников, с «говорящими» заголовками, наподобие: «Борьба с аппаратчиками», «Вездесущий мыслитель, поддерживавший сталинизм», «Борцы за политические перемены», «Кремль предоставил университеты своей судьбе» и т.п.

То, что Шанхайский рейтинг был создан в Китае, а не в Великобритании или США, не позволяет характеризовать его в полной мере как агента рейтинговой силы Китая, так как международный консультационный совет этой организации состоит исключительно из западных функционеров. Возможно, это является условием широкого признания данного рейтинга. Тем не менее, в качестве своеобразного «бонуса» составители Шанхайского рейтинга смогли улучшить имидж ряда китайских университетов, подняв их позиции.

Академические рейтинги направлены на важнейшую составляющую такого источника мягкой силы, как культура. Дж. Най проговаривается об этом, когда предлагает следующее определение культуры: «система общественного поведения, при помощи которой группы передают знания и ценности» [24. С. 153].

В свою очередь, академические рейтинги теснейшим образом связаны с наукометрическими рейтингами и базами данных. В ведущих рейтингах университетов показатели, связанные с публикационной активностью, рассчитываемой по базе данных Web of Science, составляют от 20 до 60% от окончательного балла (исключение составляет QS World University Ranking, который опирается на данные Scopus) [29. С. 156].

Несмотря на некоторые потенциально позитивные стороны наукометрических рейтингов, подталкивающих как отдельных ученых, так и целые университеты к максимизации своих усилий (в первую очередь речь идет о постоянном давлении на исследователей для опубликования своих результатов и создания имени в науке на основе принципа «publish or perish» (т.е. «публикуйся или погибни»)) [29. С. 22], их внедрение в глобальном масштабе таит в себе немало угроз и возможностей скрытого влияния. Очевидно, что наукометрический подход не позволяет однозначно оценить качество научных публикаций, тем более подготовленных учеными из самых разных стран. Бросается в глаза превращение наукометрии, изначально задуманной как разновидность общественных благ, в высокорентабельный бизнес.

Составители наиболее распространенных наукометрических рейтингов требуют от университетов и даже правительств приспособления к своим требованиям и пытаются навязывать свои услуги. Они способствуют максимальному распространению и доминированию английского языка, подспудно сокращая долю научных публикаций на других языках. Не имея возможности конкурировать на равных с западными учеными за возможность публикации в наиболее высокооцененных англоязычных журналах, исследователи из других стран априорно оказываются в тени своих заокеанских коллег.

Монополизм в этой сфере нескольких крупнейших международных научных издательств (Elsevier, Springer, Wiley), действующих, по выражению британского исследователя Дж. Монбио, как «помещики от науки», способствует дальнейшей иерархизации инфраструктуры международной науки: «То, что происходит, — это чистой воды капитализм рантье: монополизация общественного ресурса и взвинчивание цен. Также вполне уместен термин “экономический паразитизм”. Для получения знаний, за которые мы уже заплатили, мы становимся заложниками помещиков от академии. Это не что иное, как налог на образование, удушение общественной мысли» [43].

Экономическая целесообразность существующих академических рейтингов и наукометрических систем очевидна, а что касается политической — предоставим слово Дж. Наю: «46 действующих и 165 бывших глав правительственных учреждений — выпускники учебных заведений США. Не все из 750 тысяч иностранных студентов, ежегодно приезжающих на учебу в Соединенные Штаты, становятся приверженцами этой страны, но большинство становится» [24. С. 171].

Очевидно, что западные университеты хотят забирать себе «сливки» — будущую элиту других стран. Но то, что элита отдает своих детей в дорогие англо-американские учебные заведения, ведет к формированию транснациональной элиты (См.: [15]) и воспроизводству в этих странах сложившегося неравенства. Таким образом, это фактор, указывающий скорее на закупорку социальных лифтов, чем на развитие демократии и повышение вертикальной мобильности на основе меритократических критериев.

Под разными благовидными предложениями образовательные системы незападных стран втягивают в формирующуюся глобальную систему, ведь «мягкая сила — танец, для которого нужны партнеры» [24. С. 153].

Следует отметить, что руководители университетов и чиновники разных стран принимают «подталкивания» рейтинговых и оценивающих организаций преимущественно добровольно и без каких-либо гарантий экономической отдачи. Оценки международных рейтинговых агентств могут рассматриваться руководством стран как достаточное и удобное обоснование для начала реформ и «оптимизаций» в соответствующих сферах (например, в нашей стране на них ссылались как на обоснование необходимости реформы РАН).

Абсолютизирование академических рейтингов ведет к искажению развития образования и науки за пределами ведущих западных стран и перераспределению финансовых и информационных потоков, а также способствует распространению формализма, махинаций и неэтичных стандартов поведения, втягивая многие уни-

верситеты и научные издания в авантюрные попытки «перехитрить» рейтинги. Видимость выхолащивает содержание, а нормативно перегруженные спекулятивные схемы, разработанные, как правило, предвзятыми, материально заинтересованными и часто недобросовестными организациями, являются шатким и неадекватным основанием для восприятия реальности и принятия эффективных управленческих решений, а также активно используются для вмешательства во внутренние дела других стран и контроля за структурными процессами. Конечно, не сами рейтинги формируют новую действительность, но они являются относительно новым и эффективным инструментом воздействия на нее.

Несмотря на то, что академические и наукометрические рейтинги должны иметь целью развитие образования и иных общественных благ в глобальном масштабе, в действительности это не вполне так. Составители и популяризаторы рейтингов нередко стремятся не только продвигать определенное референтное видение социальных институтов и соответствующие им стандарты, но и дискредитировать иные системы предоставления общественных благ (образования, здравоохранения, культуры и др.) в рамках общей национальной политики мягкой силы. Так, например, некоторые составители академических рейтингов явно высокомерно и недружелюбно относятся к образовательным системам, построенным на иных принципах и основах, нежели американская и британская.

Американский аналитик У. Блум показывает, что США на уровне государственной политики уже десятилетия воюют против кубинской системы здравоохранения, опасаясь ее как средства завоевания Гаваной авторитета в странах третьего мира. Для того, чтобы дискредитировать и разрушить систему здравоохранения этой страны, основанную на совершенно иных принципах, использовались такие средства, как пропагандистские кампании, противодействие продаже на Кубу медицинского оборудования и препаратов и даже программы поощрения иммиграции кубинских врачей, работающих за границей [3. С. 156—158].

Сознательно или нет, рейтинги встроены в масштабные глобалистские и универсалистские проекты, отрицающие или просто игнорирующие институциональное и цивилизационное разнообразие мира. Например, для институтов РАН просто не находится места в глобализирующейся университетоцентричной англосаксонской модели высшего образования и науки. Формирующиеся глобальные образовательная и научная системы тесно переплетены с национальными интересами ведущих западных стран, а также вынуждены ориентироваться на запросы и предпочтения крупных ТНК.

Сегодня сравнительные индексы создают своего рода параллельную реальность за счет кроссцитирования, т.е. ссылки на результаты и оценки друг друга как на основные источники данных. Налицо эффект, который американский политолог И. Шапиро называет разрывом интерпретации с реальностью, «ориентацией на метод», сопровождающейся отчуждением от предмета исследования и сравнения [32. С. 13].

Одним из наиболее одиозных примеров подобных рейтингов является т.н. «Глобальный индекс миролюбия», разработанный специалистами международной

группы экспертов по миру Института мира вместе с Центром мира и изучения конфликтов Сиднейского университета [35]. Рейтинг, к возникновению которого предположительно приложил руку бывший Президент США Дж. Картер, рассчитывается с 2007 г., и Россия всегда занимала в нем одно из самых низких мест, находясь в десятке наиболее агрессивных стран мира.

Если не вникать в особенности методологии расчета, то результаты данного рейтинга могут вызвать лишь недоумение: «Почему обладатель самого крупного военного бюджета на планете, США, занимают в рейтинге 88 место? Это при том, что ни один государственный переворот или военная операция последних 20 лет не обошлись без их участия, а порядка тысячи военных баз США по всему миру составляют 95% от их общего количества на планете... Впрочем, что говорить, если, по мнению авторов доклада, доступ населения к оружию в России — выше, чем в США. Наиболее миролюбивые страны прошлого года, разбомбившие Ливию и вполне готовые повторить аналогичную процедуру с Сирией — Великобритания, Франция и Италия — занимают, соответственно, 29-е, 40-е и 38-е места. Зато Казахстан и Беларусь — крайне агрессивные государства, занимающие позиции под номерами 105 и 109» [9].

Для того, чтобы получить заданные результаты, создатели рейтинга пошли на ряд уловок, усложнив свой продукт и приделав к нему двойное дно. Так, из 23 рассматриваемых индикаторов — 10 — качественные оценки, позаимствованные из рейтингов The Economist Intelligence Unit, что оставляет широкое пространство для манипулирования итоговыми оценками. Кроме того, при построении индекса была изначально установлена диспропорция: внутренние факторы детерминируют оценку индекса на 60%, а внешние на 40%. В расчет рейтинга включены параметры, мало связанные с военными делами, например, «обмен информацией», «борьба с коррупцией» и т.п., которые, как полагает отечественный исследователь А. Вишняков, не коррелируют между собой в реальности. Обращают на себя внимание методы сбора информации для составления индекса: это анализ документов из преимущественно англоязычной прессы и сведений узкого круга МНПО.

«Получается замкнутый круг, — отмечает А. Вишняков, — Freedom House оценивает Белоруссию на основе газетных статей, которые пишутся со ссылкой на Freedom House. Иногда этот путь чуть длиннее — в 2008 году Transparency International составило мировой рейтинг коррупции на основе данных Freedom House, полученных из отчета Transparency International» [9]. Как остроумно заметил один из российских блоггеров (gosh100), «измерение коррупции в России от TI из года в год представляет из себя самозацикленную мантру: “Мы считаем, что в России высокая коррупция, потому что так все говорят (а все так говорят, потому что мы так считаем)”» [31]. Таким образом, создается впечатление, что глобальная рейтинговая инфраструктура стремится к полной автономности и самодостаточности.

Заметно, что в случае индекса миролюбия отдельные переменные могут сказать о предмете исследования больше, чем их совокупность. Действительно, для

т.н. «комплексных» или «смешанных» рейтингов нередко характерно жонглирование данными и избыточная генерализация переменных, искусственно подогнанных под заранее заданные результаты.

Опора на качественные методы и экспертные оценки во многом обесмысливает результаты рейтингования. Не следует забывать, что рейтинги — это орудие критики, размежевания, противопоставления. Широкое использование спекулятивных межстрановых индексов при принятии решений было бы оправданно в том случае, если бы индексы использовались по своему прямому назначению — т.е. как удобный информационный и аналитический инструмент, а их построение действительно основывалось на принципах научности и объективизма. Однако когда создатели сравнительных индексов демонстрируют недобросовестность, а тем более предвзятость, предлагаемые рейтинги могут становиться контрпродуктивными, и при работе с ними необходимо проявлять избирательность и осторожность, не забывая о классическом принципе «*Quid prodest?*»

Задача концептуализации феномена и операционализации понятия рейтинговой власти осложняется тем, что в настоящее время явно недостаточно серьезных и тем более критических работ, посвященных рассматриваемой проблеме. Однако представляется эвристически оправданным компенсировать этот концептуальный дефицит, применив к исследуемой проблематике также отдельные положения широкого спектра исследований, направленных на изучение смежных и пересекающихся политических и информационных процессов.

Мы полагаем, что потенциал ряда политологических, экономических, социологических и философских концепций может оказаться эффективным для анализа и интерпретации многомерного феномена рейтинговой власти несмотря на то, что их авторы, возможно, не согласились бы с тем, что их работы могут быть использованы для этой задачи. Так, наравне с политологическими исследованиями мягкой силы Дж. Ная или власти мониторинга Дж. Келли и Б. Симмонс значительный интерес представляют отдельные положения теорий символического капитала П. Бурдьё, глобального гражданского общества М. Калдор, структурного насилия Й. Галтунга, цинического разума П. Слотердайка, потенциальной силы Т. Шеллинга, экспертократии А. Ашкерова, культурного империализма Г. Шиллера, контекстуализма Дж. Каренса, теории сложных систем в международных отношениях и др.

Ниже предложены интерпретации социально-политических феноменов «рейтинговой власти» и «рейтингового мышления» с позиций указанных подходов.

1. *Власть рейтингов как мягкая (гибкая) сила*

Без сомнения, *charts power* можно определить как современную составляющую мягкой силы национальных государств, международных организаций и МНПО. Именно концепция мягкой силы представляется наиболее очевидным и адекватным инструментом для интерпретации данного явления.

Как известно, под терминами «жесткая» или «твердая» сила Дж. Най подразумевает силу, основанную на военной и экономической мощи, а «мягкую силу» связывает с культурой, ценностями и политической идеологией, которая отказывается от прямого военного и экономического принуждения в пользу использования ресурса «привлекательности» [24. С. 58].

Исследования Дж. Най посвящены в большей степени возможностям применения мягкой силы в рамках внешнеполитических интересов США как «единственной сверхдержавы» и слабо учитывают особенности использования мягкой силы в политике других государств. Следовательно, мягкая сила понимается в США особым образом: как возможность сократить издержки экспансивной и глобальной американской внешней политики на основе доступных и хорошо отработанных инструментов и технологий влияния в соответствии с принципом «Америка не может лидировать, если другие не следуют за ней» [39. Р. 298].

Мягкая сила заключается в «способности оказывать воздействие на других с целью получения желаемого для вас результата» [24. С. 33]. Как отмечает А.В. Михалев, «стратегия мягкой силы реализуется через создание у реципиента искаженной картины мира, побуждая его к принятию решений, выгодных тому, кто применяет данную стратегию» [22. С. 64].

Выделяя различные аспекты т.н. «относительной силы», Дж. Най придает особое внимание:

- установлению структуры предпочтений для других, и
- контролю за программой действий объекта [24. С. 41—46].

Сегодня рейтинговая сила используется в обоих этих направлениях.

Как подчеркивает отечественный политолог Д.Б. Казаринова, «мягкая сила» определяется как производное трех частей: культуры народа, формирующего государство — тех ее элементов, которые могут быть привлекательны для других, его политических ценностей, которых оно придерживается как внутри страны, так и за своими пределами, и внешней политики государства, которая должна быть законной и морально оправданной [18. С. 187]. Политологи И.В. Радиков и Я.В. Лексютина отмечают: «Важная характеристика государства, обладающего мягкой силой, — это создание, культивирование определенных ценностей и норм, собственной политико-экономической модели и распространение, популяризация их за пределами национальных границ» [28. С. 20]. Наиболее заметные межстрановые рейтинги, несомненно, способствуют продвижению и легализации политических ценностей, представляя собой один из инструментов распространения идеологии, при этом «вложенный» идеологический «месседж» достаточно успешно маскируется и малозаметен.

Рейтинги, получившие признание, могут содействовать формированию привлекательных или, наоборот, отталкивающих внешнеполитических образов разных стран. Возможность манипулировать данными при составлении индексов позволяет улучшать образ стран, искусственно занижая или, наоборот, увеличивая значение определенных статистических показателей. Например, в США и Великобритании очевидны как крупные достижения, так и заметные провалы в разных сферах общественной жизни (исторически высокий уровень общественной по-

ляризации, низкое качество среднего образования, сегрегация в сфере предоставления общественных благ, высокий уровень преступности, межрасовая напряженность и т.п.), однако посредством рейтинговой силы рисуется общий высокий уровень, маскирующий конкретные проблемы и, соответственно, лакирующий образ страны.

Формирование и развитие «charts power» обусловлено процессами глобализации и информационной революции. По справедливому замечанию политолога И.А. Василенко, «в современном информационном обществе политическая борьба все чаще разворачивается в информационном поле — именно здесь передовой край мировой политики» [17. С. 36].

В эпоху глобализации, когда мир превращается в целостность и почти все страны включены в глобальные процессы и общее информационное пространство, растет значение рейтинговой инфраструктуры, предлагающей средства сопоставления и ориентации в этом глобальном пространстве. Charts power, как средство воздействия, ориентировано прежде всего на образованную аудиторию в постиндустриальных обществах, создавая, по выражению С.Г. Карамурзы, иллюзию «компетентности без усилий» [20]. На фоне переизбытка информации сравнительные индексы предлагают сжатое, концентрированное знание в полностью готовом виде, не требующее обработки и дополнительного анализа.

Обращает на себя внимание то, что большинство ключевых межстрановых рейтингов ориентировано «на экспорт», представляя собой средство сопровождения общей внешнеполитической стратегии государств.

Основу charts power составляет авторитет т. н. «международного экспертного сообщества». Как отмечает Дж. Най, сегодня «доверие к издателям и толкователям является решающим ресурсом и важным источником мягкой силы» [24. С. 183], что дает реальную власть, но порождает соблазн злоупотреблять ей. Часть экспертного сообщества, особенно напрямую связанная с политическим руководством западных стран и глобальными институтами, высокомерно полагает, что их целью является не максимально точное изучение и оценка реального положения вещей, а формирование и навязывание другим собственной реальности, что рождает опасные иллюзии.

Американский политолог И. Шапиро приводит признание старшего советника Президента США Дж. Буша-младшего: «Отныне мы — империя, и когда мы действуем, мы создаем свою собственную реальность» [32. С. 13]. А. Богатуров называл этот процесс «обратной идеологизацией», выразившейся в ужесточении либерально-моралистской догматики, абсолютизации опыта западной демократии и связанных с ней хозяйственной и социально-политической систем [4. С. 361]. Тот факт, что почти все основные современные рейтинги создаются под прямым влиянием идеологии неолиберализма, представляет собой системный дефект интерпретации эмпирических данных.

Наконец, иерархичность рейтингов часто предполагает принципиальную неравноценность «прогрессивных» победителей и условных проигравших, представленных как «другие».

2. «Charts power» как информационное оружие

Актуальным представляется вопрос о возможности использования и роли «рейтингового оружия» в информационных войнах. Обращает на себя внимание выгодная способность рейтинговой власти не только продвигать собственное видение и ценности, но делать это, критикуя чужие. Как отмечает Дж. Най: «Игроки не только пытаются оказывать воздействие друг на друга при помощи прямого или косвенного применения мягкой силы; они также соревнуются для того, чтобы лишить друг друга привлекательности и легитимности, создавая тем самым не способствующую принятию решений обстановку как в общественном мнении другой страны, так и/или в глазах соответствующих третьих сторон» [24. С. 176]. Несмотря на то, что это противоречит основным принципам составления рейтингов, они нередко могут принимать черты информационного оружия и, соответственно, использоваться в таком качестве.

Мы полагаем, что воздействие рейтинговой власти на информационную безопасность отдельных стран можно классифицировать на основе типологии отечественных специалистов А.В. Манойло, А.И. Петренко и Д.Б. Фролова (несмотря на то, что данные авторы не рассматривали собственно рейтинги) как разновидность информационного оружия против социальных систем, представляющего собой «средства, методы, приемы и технологии, предназначенные для оказания информационного (информационно-психологического) воздействия на отдельных людей и социальные системы через индивидуальное и массовое сознание (психику) людей по каналам распространения (получения) информации (например, манипулятивные технологии, дезинформация, пропаганда, ОТКС). Данное информационное оружие не разрушает информационное пространство, а формирует его под себя» [21. С. 212].

Согласно той же классификации, «рейтинговое оружие» подпадает и в категорию «информационного оружия, направленного на системы и средства связи, управления и контроля государственных, региональных и частных структур», целями которого являются:

- искажение национальной статистической отчетности вследствие искажения первичных данных или использования методологии, выгодной противнику;
- навязывание стандартов образа жизни и системы ценностей, выгодных противнику [21. С. 214—215].

Однако, несмотря на отсутствие на текущих момент достаточных эмпирических данных, следует признать, что потенциал воздействия рейтинговой власти в качестве информационного оружия значительно шире. Charts power — не оборонительное, а сугубо наступательное оружие и действенный инструмент экспансии. Согласно определению рассматривавшихся выше авторов, «информационно-психологическая экспансия — деятельность по достижению национальных интересов методом бесконфликтного проникновения в сферу социальных и духовных отношений общества с целью постепенного и незаметного для общества изменения системы социальных отношений, идеологии и ценностей по образцу системы источника экспансии» [21. С. 441]. Она направлена на «скрытое управление

и господство в информационно-психологическом пространстве (2) государств-конкурентов» [21. С. 442].

Основная цель — побуждение к совершению действий, выгодных для источника скрытых управляющих воздействий. Среди сопряженных целей также выделяются:

— создание в информационно-психологическом пространстве системы органов власти и управления государства-конкурента атмосферы недоверия, напряженности и враждебности по отношению ко всем вариантам решения определенного вопроса, кроме выгодного для источника внешнего управления [21. С. 440];

— создание и поддержание негативного психологического фона в отношении деятельности системы органов государственной власти [21. С. 484] как средство внешнеполитического давления и дестабилизации политических режимов;

— создание информационной зависимости от поступления информационных ресурсов и идеологических установок от информационного доминанта [21. С. 440].

Таким образом, сфокусированная рейтинговая сила может представлять собой долгосрочное информационное оружие, основанное на вялотекущих, латентных, растянутых на годы микродозированных воздействиях, функционируя в режиме «фоновых операций». При этом одной из основных особенностей информационного оружия является «скрытность и анонимность оперирования информационно-психологическими воздействиями, возможность проведения их „под чужим флагом“ и с любой точки информационного пространства» [21. С. 485]. В то же время следует признать, что влияние *charts power* нацелено на глобальный уровень, что не учитывается в предложенной А.В. Манойло, А.И. Петренко и Д.Б. Фроловым типологии информационно-психологического оружия, которая уделяет основное внимание информационному оружию как фактору угрозы национальной безопасности.

3. Рейтинговая сила как публичная дипломатия

Как известно, по Дж. Наю, мягкая сила — это привлекательная сила. В случае рейтинговой власти это, конечно, не всегда справедливо. Но насколько привлекательны сравнительные рейтинги и как сделать их привлекательными?

Международные рейтинги популяризируются при помощи публичной дипломатии. Публичная дипломатия представляет собой разъяснение правительственной политики широкой общественности во всем мире посредством гражданского общества [17. С. 40]. Сегодня гражданское общество или замаскированные под него структуры выступают важным источником гибкой власти. Данные, предлагаемые МНПО, *think tanks* и «независимыми СМИ», подчеркнута противопоставляются «государственной пропаганде и манипуляциям» как более объективный источник информации. Эффективность мягкой силы зависит от доверия. «Учитывая современное недоверие к властям, правительства нередко обращаются к негосударственным фондам для поддержания контактов с общественностью, ведь частным действующим лицам обычно доверяют больше» [25. С. 154], отмечает Дж. Най. При этом заказчиками и основными идеологами деятельности значительного числа наиболее заметных агентов гражданского общества (и в том числе раз-

работчиков многих сравнительных межстрановых рейтингов) оказываются именно правительства и спецслужбы.

Таким образом, рейтинговая сила может быть органично включена в стратегическую линию публичной дипломатии. Наиболее эффективным оказывается взаимодополнение и взаимопродвижение разных составных элементов публичной дипломатии стран, к которым может относиться и *charts power*. Так, сравнительные рейтинги цитируются и популяризируются большим количеством авторитетных негосударственных структур и уже в свою очередь способствуют их продвижению. Хорошо заметен централизованный подход западных СМИ к рейтинговым оценкам НПО. Именно СМИ вводят оценки рейтингов в политический дискурс.

4. Рейтинговая власть как символический капитал и «власть классификации»

Интересные выводы и методологические схемы, применимые к особенностям *charts power*, содержатся в трудах известного французского политолога П. Бурдьё.

В своих работах П. Бурдьё выявляет тесную связь политики с классификацией, указывая на «политическое притязание, неотступно следующее за гносеологическим притязанием производить хорошую классификацию» [7. С. 78]. Политические акторы предъявляют претензии на легитимную номинацию и классификацию, т.е. на то, чтобы формировать «здравый смысл — основу консенсуса». *Charts power*, таким образом, представляется как «власть классификации» в наиболее явном виде.

П. Бурдьё пишет: «В символической борьбе за производство здравого смысла или, точнее, за монополию легитимной номинации как официального — эксплицитного и публичного — благословения легитимного видения социального мира, агенты используют символический капитал, приобретенный ими в предшествующей борьбе, и, собственно, любую власть, которой они располагают в установленной таксономии, представленной в сознании или объективной действительности как названия» [7. С. 72]. Символический капитал основывается в первую очередь на авторитете, вере и послушании и представляет собой, таким образом, «магическое могущество над группой» [7. С. 209].

Борьба за «официальную номинацию» и символический капитал осуществляется сегодня на глобальном уровне. Легитимная возможность проводить «разграничительные линии», отделяющие истинное от ложного, прогрессивное от отсталого, нравственное от недопустимого, прекрасное от безобразного, указывая другим на их место в этой символической системе, лежит в основе политической власти и управления. В работе П. Бурдьё «Символический порядок и власть номинации» содержатся следующие выводы, применимые к анализу феномена рейтинговой власти.

1. Претензии на номинацию и уровень предвзятости тем выше, чем менее авторы классификации уполномочены официально. П. Бурдьё так пишет об этом: «С одной стороны — универсум частных перспектив, единичных агентов, которые, исходя из своей личной точки зрения, производят частные и корыстные номинации — самих себя и других, и которые тем более заинтересованы в том, чтобы сделать эти номинации признанными, т.е. произвести эффект чисто символиче-

ский, чем менее их авторы уполномочены персонально (*auctoritas*) и институционально (делегирование), и чем более они непосредственно заинтересованы в том, чтобы сделать признанной ту точку зрения, которую они стараются внушить» [7. С. 72—73]. Обращает на себя внимание тот факт, что в современном глобальном мире субъекты рейтинговой силы действительно не имеют никакого общепризнанного статуса, хотя пытаются его получить через международные организации, особенно входящие в систему ООН (например, ЮНЕСКО или ВБ). НПО и частные компании, не имеющие ни легитимного статуса, ни официальных полномочий, стараются маскировать отстаиваемые ими национальные и коммерческие интересы за многообразными идеологическими и медийными конструктами, такими, как «борьба за свободу», «цивилизованный мир» или «глобальное гражданское общество». При этом сегодня, когда налицо открытый международный конфликт РФ и США, а Президент Б. Обама открыто заявляет, что цель американской внешней политики — нанести максимальный ущерб российской экономике [26], вряд ли можно всерьез воспринимать подчеркнутое позиционирование западными рейтинговыми агентствами своей нейтральности и беспристрастности. Отсутствие официального статуса также снимает ответственность с агентов — генераторов рейтингов, они могут себе позволить заявления и оценки, недопустимые для авторитетных международных организаций и внешнеполитических ведомств государств.

2. Легитимная классификация и номинация должна осуществляться исследователями с позиций принципа «аксиологического нейтралитета».

3. Последнее крайне трудноосуществимо, если вообще возможно, так как классификатор сам является заинтересованным лицом и участвует в борьбе, а следовательно, предвзят.

Так, П. Бурдые утверждает: «Если ученому приходится классифицировать, производя — в силу необходимости делать статистический анализ — разбиение сплошного пространства социальных позиций, то только для того, чтобы быть в состоянии объективировать все формы объективации, не забывая о требованиях судить эту борьбу именем «аксиологического нейтралитета», характеризующего науку в позитивистском и бюрократическом ее определении. Символическая власть агентов как власть показывать — *theorein* — и убеждать, производить и вводить классификацию, легитимную или легальную, зависит на деле, как нам напоминает пример *гех*'а, от позиции, занимаемой в пространстве (и от классификаций, которые туда потенциально вписаны). Но объективировать объективацию значит, прежде всего, объективировать поле производства объективных представлений о социальном мире, и в частности, законодательную таксономию, короче, объективировать поле производства культуры или идеологии, — игры, которой ученый сам захвачен» [7]. Таким образом, качество экспертов, их конформизм, идеологизированность и неспособность абстрагироваться от собственной аффилиации являются ключевым фактором, подрывающим легитимность власти классификации, и, соответственно, рейтинговой власти.

Выводы П. Бурдые обнаруживают параллели с «предательством интеллектуалов», описанным французским философом Ж. Бенда [2], обвинявшим «интеллек-

туалов», формирующих политический дискурс, в предательстве неутилитарных «духовно-интеллектуальных ценностей» и принципов беспристрастности и «общечеловеческой справедливости» из-за «политических страстей» 2-х основных типов: 1) желая группа людей получить (или сохранить за собой) определенное временное благо: территории, материальное благосостояние, политическую власть, статус и 2) присущее группе людей стремление чувствовать себя особенными, отличными от других (например, национализм, евроцентризм) [2. С. 105].

Несмотря на то, что Ж. Бенда опубликовал свою работу еще в первой половине XX в., описанный им феномен только интенсифицировался за последние десятилетия в связи с процессами глобализации. Сегодня бросается в глаза определенная закономерность: те, кто привычно позиционирует себя в качестве основных защитников и пропагандистов «общечеловеческих» принципов, регулярно демонстрируют их предательство в угоду партикулярным ценностям и интересам. Высокий уровень конформизма «международного экспертного сообщества» проявившийся в частности, во время актуальных политических и военных событий на Украине, резко диссонирует с подчеркнутой бескомпромиссностью и строгостью рейтинговых оценок и сопутствующего им «мониторинга».

Как показывает отечественный исследователь А.В. Нестеров, для того, чтобы держать в рамках неприкрытый волюнтаризм и ангажированность экспертных оценок, используемых при принятии управленческих решений, «роль эксперта должна иметь юридическую природу: он должен быть незаинтересованным лицом и нести ответственность, закрепленную законом. Он не должен говорить от лица какой-либо группы, так как несет персональную ответственность за экспертное заключение» [44. Р. 7]. Рейтинги же представляют собой очень удобную форму деятельности для недобросовестных экспертов, так как снимают с них какую-либо ответственность, в том числе и репутационную, деперсонализируя и анонимизируя их, а также формализуя их экспертные оценки.

5. Рейтинги как «власть мониторинга»

Особенный интерес представляет актуальная концепция «власти мониторинга» в международных отношениях, предложенная американскими политологами Дж. Келли и Б. Симмонс. Авторы утверждают, что «социальное давление» является одним из основных инструментов в современных международных отношениях наряду с военными и экономическими средствами давления. Относительно новой формой социального давления, приобретающей все более глобальный характер, являются «показатели результативности» («performance indicators»), т.е. индикаторы, рассчитываемые для стран рейтинговыми организациями [38. Р. 2]. Важную роль здесь играют выстраиваемые механизмы мониторинга и ранжирования.

«Возможность проводить систематический сравнительный мониторинг поведения государств превратилась в критически важный инструмент международного управления... Ранжирование, даже осуществляемое односторонним образом, может иметь важные политические последствия. Рейтинги представляют собой особенно мощный рычаг социального давления, потому что они упрощают реальность и поощряют масштабные межстрановые сравнения, которые, если они получают распространение, уже трудно исключить из публичного дискурса» [38. Р. 6].

Сравнительные рейтинги — относительно легальный, дешевый и безопасный способ вмешательства во внутренние дела других стран. Мониторинг предполагает «систематическое наблюдение и измерение прогресса или качества политики, практики или состояния в течение продолжительного периода времени в расчете на то, что объект наблюдения скорректирует свое поведение в соответствии со внешними ожиданиями» [38. Р. 6].

Авторы характеризуют особенности рейтингов: «Ряд цифр можно просмотреть за считанные секунды, в то время как для того, чтобы прочесть доклад, лежащий в их основе (который к тому же не переведен на большинство языков), могут потребоваться недели. Что еще более важно, числовые значения поощряют сравнения как между объектами сравнения, так и во времени. К числам также можно применять статистические процедуры и находить средние значения, помогая устанавливать „нормы“ или „стандарты“ для сравнения различных объектов. Поэтому люди реагируют на рейтинги иначе, чем только на слова» [38. Р. 7].

Важной формой рейтинговой власти является занесение ряда стран в некие «черные» и «особые» списки по отдельным параметрам, где на них обращено особое внимание. Авторы показывают, что государства, НПО и иные организации, а также частные лица пытаются влиять на внешнюю и внутреннюю политику других государств через воздействие на их национальный престиж, а также престиж элит и лидеров через публичную критику и «пристыжение» (shaming) посредством включения страны в разнообразные «особые» и «черные списки». Механизм этого влияния представлен на рис. 1.

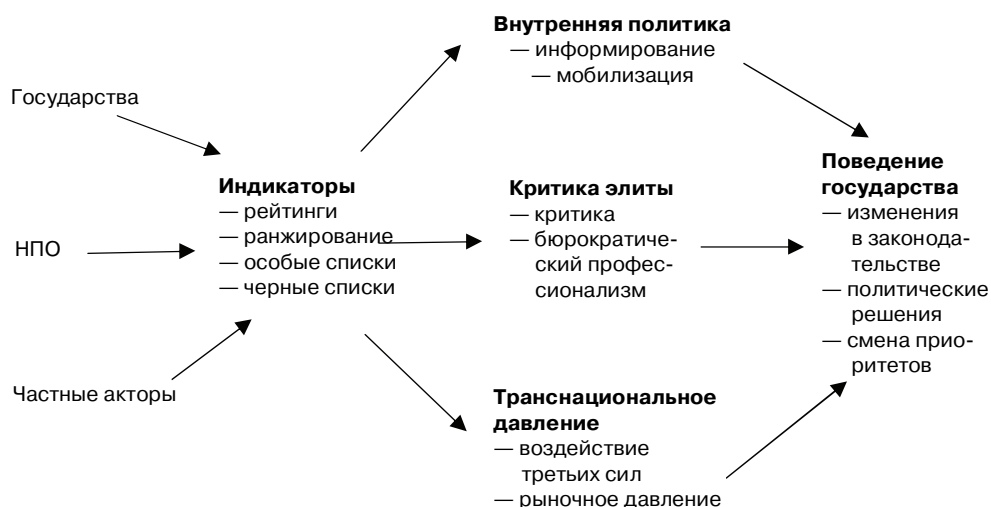

Рис. 1. Механизмы связи международного мониторинга, индикаторов и изменений государственной политики Дж. Келли и Б. Симмонс [38. Р. 9]

Рейтинг, таким образом, подобен школьному дневнику, в котором оцениваются те или иные страны. При этом чтобы повысить свою оценку, они должны выполнить «домашнее задание». Критика и пристыжение элит, пристальное, демон-

стративное наблюдение за состоянием в той или иной сфере в стране (например, за уровнем верховенства закона или свободы слова) может влиять на поведение государства, корректируя приоритеты его руководства, желающего выйти из позорного «черного списка».

«Власть мониторинга» можно использовать и для негативизации внешнеполитического имиджа стран-конкурентов. Пример такой политики мы находим у Дж. Ная: после принятия сенатом США закона о документировании нарушений прав человека в Иране с бюджетом в 30 млн долл. иранский парламент создал фонд в размере 20 млн долл. для разоблачения нарушений прав человека в Соединенных Штатах [24. С. 176].

Авторы характеризуют такое внешнеполитическое давление, как «власть мониторинга» — однако нам представляется, что данное понимание не отражает всей полноты рассматриваемого явления.

Распространение рейтингов, их виртуализация и растущее доверие к ним привели к тому, что собственно мониторинг ситуации (во всяком случае на основе валидных источников данных) становится уже необязательным. Оценки целого ряда рейтингов принимаются на веру просто на основе некоего «авторитета», и поэтому итоговые результаты и их динамика предопределены заранее и определяются идеологическими принципами, политической целесообразностью, имиджем в мировых СМИ или иными соображениями. Мониторинг же зачастую не предполагает никакого контакта с объектом исследования и нередко сводится к посещению нескольких интернет-сайтов или к транслированию мнения некоего «эксперта». Разные ячейки одной и той же информационной сети, в которую включены МПНО, СМИ, консалтинговые компании и аналитические центры, обмениваются между собой данными и оценками. Реальность может парадоксальным образом теряться в этой деятельности.

Часто за основу рейтингов берутся источники и данные, не заслуживающие никакого доверия. Как показывает А. Вишняков, «международные санкции в отношении Сирии принимались под влиянием данных, которые были предоставлены правозащитной организацией “Сирийский центр мониторинга за соблюдением прав человека” (OSDH), глава которой — постоянно проживающий в Лондоне бакалейщик, весь штат организации — три человека, а все сведения о войне в Сирии были получены из социальных сетей. Тем не менее именно этими данными, без какой-либо их проверки, обосновывали усиление давления на Дамаск» [9].

Таким образом, Дж. Келли и Б. Симмонс упрощают реальную ситуацию, полагая, что «власть мониторинга» строится на основе доступа к информации и доверия к ее источнику. В действительности же в основе данного вида внешнеполитического давления нередко лежит исключительно дезинформация и мифология.

6. Глобальное гражданское общество как источник рейтинговой власти

Как справедливо отмечает Дж. Най, «в значительной мере мягкую силу Америки создает, не государство, а гражданское общество — все, начиная с университетов и фондов и кончая Голливудом и поп-культурой... В сегодняшнем мире информации в избытке, но внимания не хватает. А внимание зависит от авторитета

и убедительности. Государственная пропаганда редко бывает убедительной» [46]. По мнению многих политологов, сегодня возникла ситуация, когда даже патронируемые государством (к примеру, через гранты) формально независимые рейтинги пользуются большей популярностью, чем любые проекты, институционально связанные с государствами, что ставит страны, не способные или не готовые поддерживать и развивать свои гражданские организации и инициативы, в невыгодное положение.

Рейтингование стран и мониторинг за деятельностью правительств нередко осуществляются от лица глобального гражданского общества (См.: [12; 13]).

В последние десятилетия в мире произошла, по выражению Л.М. Саламона, «революция глобальных ассоциаций» [47]. Разрабатывающие рейтинги фонды и МНПО маскируют или вовсе отрицают связь с правительственными структурами, нередко пользуясь широкой поддержкой корпораций, международных организаций и мировых СМИ. Их деятельность позиционируется как одно из проявлений «демократии участия». Согласно определению М. Калдор, глобальное гражданское общество (ГГО) — «это сфера идей, ценностей, институтов, организаций, сетей и граждан, расположенная между семьей, государством и рынком, действующая вне национальных обществ, политик и экономик» [36. Р. 17].

Хорошо заметно стремление крупных западных МНПО говорить от лица глобального гражданского общества, «приватизировать» мировое общественное мнение. Создается иллюзия, что их деятельность сегодня просто невозможно ничем заменить.

При этом претензии отдельных организаций выступать от лица всего ГГО, как правило, необоснованны. Достаточно наглядно обозначился раскол внутри глобального гражданского общества по ряду ключевых вопросов. Одним из основных различий является отношение общественных организаций и движений к глобализационным процессам: выдвигают и поддерживают ли они альтернативные версии глобализации или продвигают уже разработанную «хозяевами» мировой системы глобалистскую модель «элитной глобализации» [13. С. 78]. Обычно именно «системное», «официальное» гражданское общество в лице крупных, широко известных, профессиональных МНПО с немалыми бюджетами (которые, как известно, позиционируются именно в качестве ключевых и наиболее заметных представителей ГГО) оказывается несамостоятельным, бюрократизированным, «прирученным» и конформистским [13. С. 79].

Действительно, многие ведущие мировые МНПО больше напоминают коммерческие или бюрократические организации, чем гражданские структуры, что нередко приводит к их закономерной критике и утрате авторитета. Так, политолог В.-Д. Эбервайн предупреждает об утрате независимости и смещении приоритетов НПО вследствие их профессионализации и адаптации к существующим международным организациям, правительствам и финансовым институтам [13. С. 79]. В то же время рейтинги, разрабатываемые действительно независимыми организациями, имеют мало шансов получить широкое признание без масштабной информационной поддержки.

Глобальное гражданское общество является неоднозначным конструктом, а входящие в него организации слишком разнородны, чтобы признать обоснованными претензии отдельных акторов монополю использовать его символический капитал для легитимизации и продвижения своей повестки дня.

7. «Рейтинговое мышление» как «цинический разум» П. Слотердайка

С помощью концепции цинического разума немецкого философа П. Слотердайка можно объяснить парадокс: почему сравнительные рейтинги, являясь критическим и идеологизированным инструментом, все еще избегают широкой критики в свой адрес, а также выявить важную особенность «рейтингового мышления».

В работе «Критика цинического разума» П. Слотердайк выделяет цинизм как особую форму «ложного сознания», полагая, что именно цинизм стал подлинным символом современности [30]. Указывая на неотъемлемую связь цинизма и дискурса власти, П. Слотердайк утверждает, что в современном обществе доминирующим в идеологии и «общественном мнении» стал цинический модус, что делает классическую процедуру критики идеологии бесплодной. Как отмечает известный политический философ С. Жижек, «Цинический разум парадоксальным образом оказывается просвещенным ложным сознанием: прекрасно осознавая фальшь, полностью отдавая себе отчет в том, что за идеологическими универсалиями скрываются частные интересы, он вовсе не собирается отказываться от этих универсалий» [11. С. 36].

«Такой цинизм, — продолжает С. Жижек, — является, следовательно, своего рода извращенным “отрицанием отрицания” идеологии. ...Понятно, что при столкновении с подобным циническим разумом традиционная критика идеологии уже не действует. Мы больше не можем подвергать идеологический текст “симптоматическому чтению”, вскрывающему его пробелы... У тоталитарной идеологии больше нет претензий на то, чтобы ее воспринимали как безупречную истину. Она приобретает манипулятивный, совершенно внешний и инструментальный статус, она руководствуется не ценностью истины, а обыкновенным внеидеологическим насилием и посулом наживы» [11. С. 37].

Таким образом, для «цинического разума», отражающего всеобщее разочарование в ценностях модерна (в частности, «иллюзиях обретения рациональной солидарности»), любая обоснованная критика господствующих идеологизированных схем и иерархий утрачивает свой смысл. Особенностью «цинического сознания» является сентенция такого рода: «да, мы прекрасно понимаем, что популярные сравнительные рейтинги являются субъективными, политизированными, предвзятыми, несовершенными, они дают сознательно искаженную картину мира. Но при этом указанными недостатками обладали бы и все их возможные альтернативы, даже в еще большей степени, так как все стремятся навязывать свою волю и интересы другим. Так как других аналогичных классификаций, лучше и “признаннее” уже имеющихся не видно, не имеет смысла тратить усилия, на разработку чего-то другого, разумнее опираться на то, что есть, закрывая глаза на все несовершенства».

Подобная логика широко распространена в экспертном и научном сообществах. Как отмечает американский политолог Э. Кавальски, в современных исследованиях международных отношений типичным является понимание: «Лучше упорядоченная ошибка, чем неоднозначная, сложная для понимания истина» [37. Р. 443].

Обращает на себя внимание уязвимость цинического разума перед технологиями манипуляции сознанием. По мнению американского политолога Г. Шиллера, конечная цель манипулирования сознанием — пассивность реципиента [33]. Рейтинги в этом отношении очень удобны, так как за счет своей простоты и доступности способны «расхолаживать» и «подсаживать» на себя экономистов, гуманитариев, журналистов и иных «интеллектуалов».

8. Рейтинги как глобальная инфраструктура предоставления общественных благ

Еще одно возможное понимание масштабной рейтинговой власти — производство и предоставление глобальных общественных благ. Одно государство или условный центр осуществляет капиталовложения в разработку инфраструктуры (институтов, норм и стандартов) глобального общества, которой пользуются и другие, и тем самым осуществляет глобальное управление [24. С. 348]. Вложения в глобальную инфраструктуру обосновывают право инвестора на управление ею и использование ее в собственных интересах и в соответствии со своими принципами.

Здесь мы снова сталкиваемся с парадоксом «цинического разума» — положением о том, что имеющиеся рейтинги, разрабатываемые по заказу правительств западных стран, глобальных игроков или идеологизированных мыслительных центров, конечно, несовершенны и предвзяты, но на это можно закрыть глаза, так как кроме них никто не готов вкладываться в эту сферу и никто не в состоянии осуществлять рейтинговую деятельность так же масштабно, а главное, так «раскрутить» свои рейтинги, сделать их настолько же широко признаваемыми и цитируемыми.

Тем не менее, на практике управление рейтинговой инфраструктурой позволяет преимущественно присваивать и перераспределять общие блага, а не создавать их.

Дж. Най достаточно откровенно отмечает: «Если крупнейший получатель выгод от общественных благ (в частности, Соединенные Штаты) не занимает ведущее положение в обеспечении в непропорциональных масштабах ресурсов для своих резервов, бенефицианты меньших размеров вряд ли будут в состоянии эти блага добыть из-за трудностей по организации коллективных действий, когда задействованы большие числа... Разумеется, чистых коллективных благ не очень много. Когда могут быть исключены какие-то страны, то в результате получают коллективные блага закрытого клуба» [24. С. 357].

Что касается общей пользы, извлекаемой от рейтинговой инфраструктуры, то здесь все также оказывается далеко неоднозначно, и не только с точки зрения стран, чьи позиции занижаются по идеологическим, политическим или экономи-

ческим причинам, и они вынуждены из-за этого нести дополнительные издержки. Так, в терминологии неоинституционализма рейтинговая деятельность приводит к сокращению транзакционных издержек для экономических агентов, а именно такого вида издержек, как «издержки измерения». Но в то же время рейтинги могут параллельно увеличивать т. н. «издержки оппортунистического поведения» [27. С. 21].

9. Рейтинговая власть как инструмент манипуляции сознанием

Одной из наиболее очевидных интерпретаций феномена «charts power» является его рассмотрение в качестве технологии манипуляции сознанием. С такой исследовательской позиции скрытое вложенное идеологическое или психологическое послание имеет не меньшее значение, чем информация, содержащаяся в рейтинге. Г. Шиллер определяет манипуляцию как «скрытое принуждение, программирование мыслей, намерений, чувств, отношений, установок, поведения» [33. С. 87]. Согласно определению О.Л. Михалевой, «манипуляция — это вид психологического воздействия, направленного на побуждение адресата к совершению определенных манипулятором действий в результате скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, установок, не совпадающих с теми, которые адресат мог бы сформировать самостоятельно» [23. С. 227].

Несмотря на то, что абсолютное большинство сравнительных рейтингов разрабатывается на основе положений идеологии неолиберализма, они обычно позиционируются как источники информации, свободные от идеологического воздействия, якобы характерного только для государств. Такой подход явно выдает наличие манипулятивной составляющей. Как отмечает американский политолог Г. Шиллер, «манипуляторы утверждают, что не существует никакой идеологии, выступающей в качестве механизма управления. Есть лишь научная информация, которую используют ученые, чиновники и обычные люди для построения своей истины» [33. С. 25]. Тем более если эта информация формализована, а источник фактов и выводов скрыт за стеной таблиц и магией больших чисел. Для комплексных рейтингов свойственно смешение разных логических уровней, создающее простор для возможных манипуляций сознанием. При этом благодаря герметичности рейтингов вскрыть манипуляции крайне непросто. Отсылки к неназванным экспертам, характерные для рейтингов, прежде традиционно считались атрибутом «желтой прессы».

Можно выделить несколько признаков charts power, характерных для манипуляции сознанием:

- деперсонализация и унификация объектов сравнения;
- скрытый характер воздействия;
- стремление активно влиять на реальные события и процессы, структурируя мир согласно своим интересам [10. С. 57].

В качестве отдельного вида манипуляции исследователи выделяют «рациональное давление» — предоставление информации в виде точных данных, для того, чтобы реципиенты воспринимали и усваивали «объективную информацию». Целью манипулятивных кампаний является формирование стереотипов, упрощен-

ных моделей и клише, совокупно конституирующих мифологию. Как пишет известный политолог Г. Лассуэл, «цель манипулятора — создание политического мифа, т.е. — комплекса идей, которые массы готовы рассматривать в качестве истинных независимо от того, истинны они или ложны в действительности» [40]. Следствием фетишизации рейтингов может стать формирование и закрепление в сознании подобной мифологии.

Как отмечает С.Г. Кара-Мурза, «цель манипулятора — дать нам такие знаки, чтобы мы, встроив эти знаки в контекст, изменили образ этого контекста в нашем восприятии» [19. С. 28]. Рейтинги способны создавать иллюзию взаимодействия («мы — соавторы картины»), низводя исследователей и экспертов до уровня интерпретаторов. В такой схеме индивид выступает реципиентом информации и заложенного в ней «наджа». «Надж» (nudge — подталкивание) означает «мягкое подталкивание» (без использования угроз, приказов или запретов) индивида к принятию того или иного решения, например, посредством целенаправленной подачи заведомо необъективной информации.

В этой связи представляет интерес концепция «культурного империализма» Г. Шиллера, предложенная еще до начала рейтинговой революции, но в целом сохранившая свою актуальность. Автор утверждает, что культурно-коммуникационный сектор мировой системы развивается в соответствии с целями и задачами общей системы американского империализма.

Исследуя механизмы империалистического господства в условиях «культурной и идеологической гомогенизации мира», Г. Шиллер разделяет «непреднамеренное» господство, характерное для предыдущей исторической эпохи, когда культурное господство автоматически проистекало из контроля капитала и доступа к информационному аппарату, присущих позиции гегемона миросистемы, и «преднамеренное», для которого становится необходимым целенаправленное управление сферой сознания наряду с привычными военными и экономическими факторами господства.

Культурный империализм характеризуется односторонним в своей основе потоком информации — от центра к периферии — и является одним из обязательных атрибутов глобальной власти [33]. Т.е. «центр» мало интересуется информацией с «периферии» и тем более последовательный обмен ею, вместо этого он предпочитает «спускать» директивы, классификации, установки и т.д. В то же время нам представляется, что двусторонний поток информации и широкая коммуникация необходимы для того, чтобы избежать политизации рейтинговой деятельности.

Г. Шиллер анализирует в своей работе не сравнительные рейтинги, которые тогда только начинали формироваться, а международные опросы общественного мнения, проводимые западными или транснациональными компаниями. Автор утверждает, что они являются агентами политики культурного империализма и на деле занимаются деятельностью, прямо противоположной заявленной: т.е. не изучают конкретные социумы или общественное мнение, а наоборот, генерируют информацию вместо того, чтобы собирать ее, а также способствуют формированию установок, которые призваны обнаруживать.

10. Власть рейтингов как экспертократия

Феномен рейтинговой власти тесно связан с экспертократией, так как наделяет экспертов потенциалом политической власти за счет их влияния на принятие управленческих и бизнес-решений.

Как отмечают некоторые исследователи, корни экспертократии лежат в прогрессивизме с его обещаниями сделать общества более гуманно и рационально управляемыми. Отсюда проистекают два подхода к возможной «власти экспертов»: демократизм и технократизм [41].

Термин «экспертократия» предложил отечественный философ А. Ашкеров. Фигура эксперта определяется им как индивид, который определяет, что является знанием, а что — нет [1]. Экспертократ во многих отношениях близок к фигуре технократа [14].

Отечественный исследователь А.В. Нестеров принципиально разводит фигуры экспертократа и собственно эксперта: «Исторически у экспертов нет власти. Однако носители власти часто ориентируются на мнение экспертократов, для которых истина имеет меньшее значение, чем задача достижения целей власть-предержащих и своих заказчиков. В этом заключается основное различие фигур эксперта и экспертократа. Таким образом, экспертный нарратив действует как мифологическое описание, инструмент мифотворчества и конструирования новой реальности, сооружаемой на основе т.н. мнения экспертного сообщества» [44. Р. 6].

Особое значение, таким образом, приобретает вопрос: могут ли данные, предоставляемые экспертократическими структурами, заслуживать достаточного доверия для того, чтобы становиться основой для принятия политических решений в большинстве стран мира [45]. С этой точки зрения обращает на себя внимание широкое распространение экспертократических центров (в первую очередь речь идет о мыслительных центрах (think tanks), которых сегодня насчитывается в мире не менее 6000, треть из них расположена в США) [44. Р. 8].

Как отмечает А. Нестеров, особенностью экспертократов является то, что «они представляют определенные группы, чьи интересы они защищают посредством интерпретации значимой информации таким образом, чтобы увеличивать вероятность достижения групповых целей. В отличие от экспертов, обладающих такими качествами, как независимость и незаинтересованность, фигура экспертократа включает в себя также роли консультанта, лоббиста и имиджмейкера. Для реализации своих целей экспертократы формируют миф о т. н. “независимых экспертах”. Ключевая миссия экспертократов — публичные заявления в медиапространстве с целью манипулирования общественным мнением» [44. Р. 12—13].

То, что разработкой и популяризацией наиболее известных сравнительных рейтингов сегодня занимаются именно экспертократы и соответствующие структуры, заметно невооруженным глазом и неизбежно влияет на их качество и объективность. Особенностями экспертократии, претендующей на управление общественным мнением, является отказ от принципов объективизма, стремление к максимальной внешней эффектности своей деятельности, проявляющейся, в частности, в масштабных обобщениях и безапелляционных заявлениях, широкое использование пропагандистских и идеологических штампов, характерных

скорее для информационных войн, и неспособность скрывать собственную ангажированность и пристрастность.

Резюмируя вторую часть настоящей статьи, нужно отметить, что все рассмотренные выше исследовательские подходы представляют значительный интерес и позволяют приблизиться к концептуализации феномена «рейтинговой власти». В третьей части статьи будет продолжен концептуальный анализ рассматриваемого явления.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Исследование Института Всемирного Банка «Показатели эффективности государственного управления в странах мира», Индекс POLITY IV, материалы Исследовательского центра политической нестабильности, «Индекс политической нестабильности» от the Economist Intelligence Unit, «Индекс политического риска» компании Maplecroft, «Индекс недееспособности государств» от фонда The Fund for Peace.
- (2) А. Манойло, А. Петренко и Д. Фролов предлагая понятие «информационно-психологическая сфера (пространство)», определяют его как «совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений» [21. С. 32].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ашкеров А.* Экспертотократия. Управление знаниями. М.: Европа, 2009.
- [2] *Бенда Ж.* Предательство интеллектуалов. М.: ИРИСЭН, Социум, 2009.
- [3] *Блум У.* Смертоносный экспорт Америки — демократия. Правда о внешней политике США и многом другом. М.: Кучково поле, 2014.
- [4] *Богатуров А.Д.* «Стратегия перемалывания» во внешней политике США // Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002.
- [5] *Бордовских А.Н.* Политические риски международного бизнеса в условиях глобализации: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015.
- [6] Брокерская компания NETTRADER.ru. Political Risk Index 2011. Maplecroft. URL: <http://www.nettrader.ru/tradersclub/blogentry/12412>.
- [7] *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
- [8] *Быченков Д.В.* Методы и прикладные модели анализа и оценки политических рисков // Вестник РУДН: серия «Политология». 2007. № 3.
- [9] *Вишняков А.* Кому служит «Индекс миролюбия»? // Всемирный русский народный собор. 28.06.2012. URL: <http://www.vrns.ru/analytics/286/#.VTbNVmcfqUI>.
- [10] *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Юрайт, 2000.
- [11] *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. М.: Изд-во «Художественный журнал», 1999.
- [12] *Иванов В.Г.* Глобальное гражданское общество: становление нового актора мировой политики. Часть 1 // Вестник РУДН: серия «Политология». 2010. № 4.
- [13] *Иванов В.Г.* Глобальное гражданское общество: становление нового актора мировой политики. Часть 2 // Вестник РУДН: серия «Политология». 2011. № 1.
- [14] *Иванов В.Г.* Кризис концепции технократии в контексте изучения постиндустриального общества // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 1.
- [15] *Иванов В.Г.* Транснациональные элиты: кто они? Концептуальное поле исследования. М.: РУДН, 2007.

- [16] *Иванов В.Г., Ярославцева А.О.* Сравнительные международные рейтинги и индексы как инструменты оценки политической стабильности: pro et contra // Политическая стабильность: методология сравнительных исследований, анализ региональных проблемных зон: коллективная монография / Баров С.А., Зубкова А.И., Иванов В.Г., Чихринова А.И., Ярославцева А.О.; под ред. В.Г. Иванова. М.: РУДН, 2012.
- [17] *Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта* / Под ред. профессора И.А. Василенко. М.: Международные отношения, 2013.
- [18] *Казаринова Д.Б.* Стратегии мягкой силы в политике государств — членов двадцатки // Свободная мысль. 2011. № 3.
- [19] *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005.
- [20] *Кара-Мурза С.Г.* Проблемы социологии, или Откуда берутся рейтинги // Точка.ру. 02.04.2015. URL: <http://tochka-ru.ru/index.php/ru/glavnaya/entry/465-00105>.
- [21] *Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б.* Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. 3-е изд. М.: Горячая линия — Телеком, 2015.
- [22] *Михалев А.В.* Концепция «мягкой силы»: обзор подходов в зарубежной науке // Дискурс-Пи: Научный журнал. 2014. № 1 (14).
- [23] *Михалева О.Л.* Языковые способы манипулирования сознанием в политическом дискурсе // Актуальные проблемы русистики: Материалы Международной научной конференции / Отв. редактор Т.А. Демешкина. Томск: изд-во Томского ун-та, 2003. Вып. 2. Ч. 2. С. 227. URL: <http://rus-lang.isu.ru/about/group/mikhaleva/state4>.
- [24] *Най С. Дж. (младший)* Будущее власти. М.: АСТ, 2014.
- [25] *Най С. Дж. (младший)* Гибкая власть. Новосибирск—Москва, 2006.
- [26] Обама признался в желании уничтожить Россию // Gudok.ru. 21.01.2015. URL: <http://www.gudok.ru/politic/?ID=1250805>.
- [27] *Олейнов А.Г.* Введение в экономический анализ политических процессов: Учебное пособие. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
- [28] *Радиков И.В., Лексютина Я.В.* «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения (МЭИМО). 2012.
- [29] *Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии* / Под ред. М.А. Акоева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014.
- [30] *Слотердаjk П.* Критика цинического разума. М.: АСТ, 2009.
- [31] Снова про коррумпированную коррупционность России. URL: <http://gosh100.livejournal.com/38974.html>.
- [32] *Шатиpо И.* Бегство от реальности в гуманитарных науках. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
- [33] *Шиллер Г.* Манипуляторы сознанием. М., 1980.
- [34] Academic Ranking of World Universities in Mathematics — 2014. URL: <http://www.shanghairanking.com/SubjectMathematics2014.html>.
- [35] Global Peace Index. URL: <http://www.visionofhumanity.org/#/page/indexes/global-peace-index>
- [36] *Kaldor M.* The Idea of Global Civil Society // International Affairs. 2003. № 3 (79).
- [37] *Kavalski E.* The Fifth Debate and the Emergence of Complex International Relations Theory: Notes on the Application of Complexity Theory to the Study of International Life // Cambridge Review of International Affairs. September 2007. Vol. 20. № 3.
- [38] *Kelley J.G., Simmons B.A.* Politics by Number: Indicators as Social Pressure in International Relations // American Journal of Political Science. January 2015. Volume 59. Issue 1.
- [39] *Lake D.* Entangling Relations. American Foreign Policy in Its Century. Princeton: Princeton University Press, 1999.
- [40] *Lasswell H.* The Structure and Function of Communication in Society // The Process and Effects of Communication. Chicago, 1971.

- [41] *Leonard T.* American Progressives and the Rise of Expertocracy // History of Economics Society Meeting. Grinnell, Iowa. June 2006. URL: <http://www.princeton.edu/~tleonard/papers/expertocracy.pdf>.
- [42] Methodology of Academic Ranking of World Universities by Subject Fields — 2014. URL: <http://www.shanghairanking.com/ARWU-SUBJECT-Methodology-2014.html#5>.
- [43] *Monbiot G.* The Lairds of Learning. How Did Academic Publishers Acquire These Feudal Powers? // Monbiot.com. 29.08.2011. URL: <http://www.monbiot.com/2011/08/29/the-lairds-of-learning>.
- [44] *Nesterov A.V.* On Expertocracy in Russia // Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 27/LAW/2013. 2013. November 5.
- [45] *Nesterov A.V.* On “Intelligent” Regulation and Lobbyism (Pre-print — April of 2012) URL: <http://www.hse.ru/org/persons/68747>.
- [46] *Nye J.S.* What China and Russia Don't Get About Soft Power // Foreign Policy. 29.04.2013. URL: http://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power/?wp_login_redirect=0.
- [47] *Salamon L.M.* The Rise of the Nonprofit Sector // Foreign Affairs. 1994. Vol. 74. № 3 (July/August).
- [48] The 100 Most International Universities in the World 2015. URL: <http://www.timeshighereducation.co.uk/news/the-100-most-international-universities-in-the-world-2015/2018125.fullarticle>.

«CHARTS POWER» — INTERNATIONAL RATINGS AS AN ECONOMIC WEAPON AND A TOOL OF SOFT POWER

Part II

V.G. Ivanov

The Department of Comparative Politics
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

M.G. Ivanova

The Department of Correspondence Education
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

In the given article, the authors propose and operationalize the notion of “charts power” (or “index power”, “ratings power”) as a significant component of soft power of national states and international institutions. The authors prove that numerous comparative ratings of different countries that have become extremely popular in recent decades could be used as an economic weapon and an effective tool of influence. The article analyses the mechanisms of ratings power and emergence of “rating thinking”. The authors conclude about the importance of actual and potential threats to national security of the Russian Federation from charts power of the foreign states.

Key words: country ratings, comparative indices, charts power, index power, soft power, rating infrastructure, sovereign ratings, economic sanctions, political consciousness, global governance.

REFERENCES

- [1] Ashkerov A. Jekspertokratija. Upravlenie znanijami. M.: Evropa, 2009.
- [2] Benda Zh. Predatel'stvo intellektualov. M.: IRISJeN, Socium, 2009.
- [3] Blum U. Smertonosnyj jeksport Ameriki — demokratija. Pravda o vneshnej politike SShA i mnogom drugom. M.: Kuchkovo pole, 2014.
- [4] Bogaturov A.D. «Strategija peremalyvanija» vo vneshnej politike SShA. *Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Hrustalev M.A. Ocherki teorii i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnyh otnoshenij.* M.: NOFMO, 2002.
- [5] Bordovskih A.N. Politicheskie riski mezhdunarodnogo biznesa v uslovijah globalizacii: Ucheb. posobie dlja studentov vuzov. M.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2015.
- [6] Brokerskaja kompanija NETTRADER. ru. Political Risk Index 2011. Maplecroft. URL: <http://www.nettrader.ru/tradersclub/blogentry/12412>.
- [7] Burd'e P. Sociologija politiki. M.: Socio-Logos, 1993.
- [8] Bychenkov D.V. Metody i prikladnye modeli analiza i ocenki politicheskikh riskov. *Vestnik RUDN: serija «Politologija».* 2007. № 3.
- [9] Vishnjakov A. Komu sluzhit «Indeks miroljubija»? *Vsemirnyj russkij narodnyj sobor.* — 28.06.2012. URL: <http://www.vrns.ru/analytics/286/#.VTbNVmcfqUl>.
- [10] Docenko E.L. Psihologija manipuljacii: fenomeny, mehanizmy i zashhita. M.: «CheRo», «Jurajt», 2000.
- [11] Zhizhek S. Vozvysennyj ob'ekt ideologii. M.: Izd.-vo «Hudozhestvennyj zhurnal», 1999.
- [12] Ivanov V.G. Global'noe grazhdanskoe obshhestvo: stanovlenie novogo aktora mirovoj politiki. Chast' 1. *Vestnik RUDN: serija «Politologija».* 2010. № 4.
- [13] Ivanov V.G. Global'noe grazhdanskoe obshhestvo: stanovlenie novogo aktora mirovoj politiki. Chast' 2. *Vestnik RUDN: serija «Politologija».* 2011. № 1.
- [14] Ivanov V.G. Krizis koncepcii tehnokratii v kontekste izuchenija postindustrial'nogo obshhestva. *Voprosy gumanitarnyh nauk.* 2007. № 1.
- [15] Ivanov V.G. Transnacional'nye jelity: kto oni? Konceptual'noe pole issledovanija. M., RUDN, 2007.
- [16] Ivanov V.G., Jaroslavceva A.O. Sravnitel'nye mezhdunarodnye rejtingi i indeksy kak instrumenty ocenki politicheskoi stabil'nosti: pro et contra. *Politicheskaja stabil'nost': metodologija sravnitel'nyh issledovanij, analiz regional'nyh problemnyh zon: kollektivnaja monografija.* Barov S.A., Zubkova A.I., Ivanov V.G., Chihrinova A.I., Jaroslavceva A.O.; pod red. V.G. Ivanova. M.: RUDN, 2012.
- [17] Imidzhevaja strategija Rossii v kontekste mirovogo opyta. Ed. I.A. Vasilenko. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2013.
- [18] Kazarinova D.B. Strategii mjagkoj sily v politike gosudarstv — chlenov dvadcatki. *Svobodnaja mysl'.* 2011. № 3.
- [19] Kara-Murza S.G. Manipuljacija soznaniem. M.: Jeksmo, 2005.
- [20] Kara-Murza S.G. Problemy sociologii ili otkuda berutsja rejtingi. *Tochka.ru.* 02.04.2015. URL: <http://tochka-py.ru/index.php/ru/glavnaya/entry/465-00105>.
- [21] Manojlo A.V., Petrenko A.I., Frolov D.B. Gosudarstvennaja informacionnaja politika v uslovijah informacionno-psihologicheskoi vojny. 3-e izd. M.: Gorjachaja linija-Telekom, 2015.
- [22] Mihalev A.V. Koncepcija «mjagkoj sily»: obzor podhodov v zarubezhnoj nauke. *Diskurs-Pi: Nauchnyj zhurnal.* 2014. № 1 (14).
- [23] Mihaleva O.L. Jazykovye sposoby manipulirovanija soznaniem v politicheskom diskurse. *Aktual'nye problemy rusistiki: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii.* Otv. redaktor T.A. Demeshkina. Tomsk: izd.-vo Tomskogo un-ta, 2003. Vyp. 2. Ch. 2. S. 227. URL: <http://rus-lang.isu.ru/about/group/mikhaleva/state4>.
- [24] Naj S. Dzh. (mladshij) Budushhee vlasti. M.: AST, 2014.
- [25] Naj S. Dzh. (mladshij) Gibkaja vlast'. Novosibirsk-Moskva, 2006.

- [26] Obama priznalsja v zhelanii unichtozhit' Rossiju. *Gudok.ru*. 21.01.2015. URL: <http://www.gudok.ru/politic/?ID=1250805>.
- [27] Olejnov A.G. Vvedenie v jekonomicheskij analiz politicheskikh processov: Uchebnoe posobie. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008.
- [28] Radikov I.V., Leksjutina Ja.V. «Mjagkaja sila» kak sovremennyj atribut velikoj derzhavy. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija (MJeIMO)*. 2012.
- [29] Rukovodstvo po naukometrii: indikatory razvitija nauki i tehnologii / pod red. M.A. Akoeva. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2014.
- [30] Sloterdajk P. Kritika cinicheskogo razuma. M.: AST, 2009.
- [31] Snova pro korrumpirovannuju korrumpirovannost' Rossii. URL: <http://gosh100.livejournal.com/38974.html>.
- [32] Shapiro I. Begstvo ot real'nosti v gumanitarnyh naukah. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2011.
- [33] Shiller G. Manipuljatory soznaniem. M., 1980.
- [34] Academic Ranking of World Universities in Mathematics — 2014. URL: <http://www.shanghairanking.com/SubjectMathematics2014.html>.
- [35] Global Peace Index. URL: <http://www.visionofhumanity.org/#/page/indexes/global-peace-index>
- [36] Kaldor M. The Idea of Global Civil Society. *International Affairs*. 2003. № 3 (79).
- [37] Kavalski E. The Fifth Debate and the Emergence of Complex International Relations Theory: Notes on the Application of Complexity Theory to the Study of International Life. *Cambridge Review of International Affairs*. September 2007. Vol. 20. № 3.
- [38] Kelley J.G., Simmons B.A. Politics by Number: Indicators as Social Pressure in International Relations. *American Journal of Political Science*. January 2015. Volume 59. Issue 1.
- [39] Lake D. Entangling Relations. *American Foreign Policy in Its Century*. Princeton: Princeton University Press, 1999.
- [40] Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society // The Process and Effects of Communication. Chicago, 1971.
- [41] Leonard T. American Progressives and the Rise of Expertocracy. *History of Economics Society Meeting*. Grinnell, Iowa. June 2006. URL: <http://www.princeton.edu/~tleonard/papers/expertocracy.pdf>.
- [42] Methodology of Academic Ranking of World Universities by Subject Fields — 2014. URL: <http://www.shanghairanking.com/ARWU-SUBJECT-Methodology-2014.html#5>.
- [43] Monbiot G. The Lairds of Learning. How Did Academic Publishers Acquire These Feudal Powers? *Monbiot.com*. 29.08.2011. URL: <http://www.monbiot.com/2011/08/29/the-lairds-of-learning>.
- [44] Nesterov A.V. On Expertocracy in Russia. *Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 27/LAW/2013*. 2013. November 5.
- [45] Nesterov A.V. On “Intelligent” Regulation and Lobbyism (Pre-print — April of 2012). URL: <http://www.hse.ru/org/persons/68747>.
- [46] Nye J.S. What China and Russia Don't Get About Soft Power. *Foreign Policy*. 29.04.2013. URL: http://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power/?wp_login_redirect=0.
- [47] Salamon L.M. The Rise of the Nonprofit Sector. *Foreign Affairs*. 1994. Vol. 74. № 3 (July/August).
- [48] The 100 Most International Universities in the World 2015. URL: <http://www.timeshighereducation.co.uk/news/the-100-most-international-universities-in-the-world-2015/2018125.fullarticle>.